

Айрина Лис

Ведьма из
Унылбурга

Айрина Лис
Ведьма из Унылбурга

«Автор»

2026

Лис А.

Ведьма из Унылбурга / А. Лис — «Автор», 2026

Зою Нечаеву, менеджера среднего звена с ипотекой и хронической усталостью, убивает собственный степлер. Очнувшись, она понимает: мир вокруг стал серым, а под кроватью живёт говорящая тень по имени Сёма. Добро пожаловать в Тоскливый Дол — место, где магия работает через налоги, налоги заменяют душу, а главная угроза — не тёмный властелин, а Инспектор Вечности, проверяющий недоимки по грехам. Зоя — двадцать пятая «избранная», но вместо магии у неё цинизм, знание трудового кодекса и умение находить лазейки в любой бюрократии. В компании угрюмого лорда Конрада с родовым проклятием, скелета-сплетника Морта, сумасшедшей кухарки Клары и вездесущей тени ей предстоит подготовить горожан к проверке. Три месяца на чудо, армия бумаг и никакого кофе. Но кто сказал, что спасти мир нельзя канцелярскими скрепками?

© Лис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: Степлер судьбы	5
ГЛАВА 1: Протокол для попаданки	14
ГЛАВА 2: Сёма и другие обитатели	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Айрина Лис

Ведьма из Унылбурга

ПРОЛОГ: Степлер судьбы

Я всегда знала, что меня убьёт работа.

Вопрос был только в том, каким именно способом. Вариантов накопилось предостаточно за двенадцать лет беспорочной службы в «Скрепке-Супер» – сети магазинов канцтоваров, где слово «супер» относилось исключительно к ценам, и не в лучшую сторону.

Вариант первый: инфаркт от криков начальника. Алексей Петрович, наш гений управления, умел орать так, что у секретарши Леночки выпадали контактные линзы, а у принтера случался нервный срыв. Принтер, кстати, был моим личным врагом. Он зажевывал бумагу исключительно перед приходом налоговой, плевался тонером и смотрел на меня красным глазком с таким злорадством, будто лично спонсировал мою ипотеку.

Вариант второй: отравление кофе из офисного автомата. Эта жидкость коричневого цвета пахла так, будто её варили в подвале «Макдональдса» из носков бездомных троллей. Но я пила. Пила каждый день, потому что без кофе моя нервная система отказывалась обслуживать тело, требующее каждый месяц вносить платёж по ипотеке.

Вариант третий: психушка от Леночки. Леночка была главным украшением офиса – длинные ногти, наращенные ресницы и мозг размером с канцелярскую кнопку. Каждый день она «случайно» забывала выполнить мои поручения, зато исправно строила глазки начальнику и пила мой кофе. Я ненавидела Леночку той тихой, глубокой ненавистью, которая делает из обычного человека философа.

Но чтобы меня убил степлер.

Сте-плер.

Канцелярский. Степлер. Номер семь.

Такого я не ожидала даже в самых смелых прогнозах.

Вторник тянулся, как резина на старых трениках – бесконечно и уныло. За окном, заляпанным городской грязью, моросил дождь, делая мир похожим на акварель, которую забыли в луже. Часы на стене тикали медленно, с явным злорадством: мол, смотри, как мы умеем растягивать удовольствие.

Я сидела за своим столом и тупо смотрела в монитор, где мигал курсор в пустом документе «Годовой_отчет_финал_версия_15_окончательная_правки_Петровича.doc». Название было длиннее, чем сам отчёт. Второй час я пыталась вспомнить, куда дела цифры за ноябрь, и второй час безуспешно пыталась не убить Леночку, которая грызла яблоко у меня над ухом.

– Зоенька, а ты не видела мою зарядку от телефона? – промурлыкала она, жуя. – Я тут сериальчик скачать хотела, а телефон сдох.

– Лена, у тебя глаза есть? – не поворачиваясь, спросила я. – Вон, в розетке торчит. Зелёная.

– Ой, точно! – Она вспорхнула, едва не смахнув локтем мою кружку с остывшим кофе. – А ты тут скоро? А то Петрович уже два раза выходил, смотрел на тебя.

– Пусть смотрит. Бесплатно же.

Леночка хихикнула и упорхнула, оставив после себя шлейф духов «Пьяная вишня» и огрызок яблока на моём столе. Я сняла огрызок двумя пальцами и выкинула в урну, даже не глядя. Рефлекс.

Вдох. Выдох.

Я Зоя Нечаева. Мне тридцать пять лет. Я в разводе (слава богам, хотя иногда кажется, что брак с ипотекой был хуже, чем с бывшим). У меня есть кот Барсик, который меня презирает и спит исключительно на моей подушке, демонстративно разложив пузо. У меня есть кредит, который не спится, не естся и снится в кошмарах. И у меня есть эта работа, где я менеджер среднего звена, что в переводе на человеческий означает «сделай всё, а мы похвалим Леночку».

Я закрыла глаза и представила вечер. Бокальчик красного. Сериал. Тишина. Ни Петровича, ни Леночки, ни отчётов. Рай.

– Нечаева! – рывкнули из кабинета так, что дрогнули стёкла. – Ко мне! Живо!

Я открыла глаза. Рай откладывался.

Петрович сидел в своём кресле, которое, по слухам, стоило как моя месячная зарплата, и сверлил меня взглядом опытного садиста. Он был лысоват, кругловат и пах одеколоном, которым можно травить тараканов. Перед ним на столе лежала моя папка с документами. Плохой знак.

– Нечаева, – начал он без предисловий. – Я смотрю, ты совсем берега потеряла?

– В смысле? – насторожилась я.

– В смысле, отчёт где? Ты когда должна была сдать? Вчера! А у меня сегодня совещание у большого начальства! Ты меня подставить решила?

Я глубоко вздохнула, считая до десяти. Методика «не убей начальника, даже если очень хочется». На счёте восемь обычно отпускала.

– Алексей Петрович, – максимально спокойно сказала я. – Вы просили собрать данные по четвёртому кварталу. Я их собрала. Но вы сказали, что нужны ещё данные за первый квартал прошлого года, которых в природе не существует, потому что в прошлом году мы открылись только в апреле.

– Меня не интересуют оправдания! – рывкнул он так, что у него на лбу выступила испарина. – Мне нужен отчёт! Ты хочешь, чтобы нас всех уволили? Думаешь, ты незаменимая?

Я молчала. Я умела молчать. Двенадцать лет научили.

– В общем, так, – он ткнул пальцем в стол. – Завтра чтобы был. И не просто был, а чтобы блестел! Поняла? Иди работай.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как закипает кровь. Леночка, проходя мимо, стрельнула глазками и прошелестела:

– Ой, Зоя, а Петрович злой сегодня? Ты там аккуратнее.

– Иди работай, Лена, – процедила я сквозь зубы.

Села за стол. Взглянула на монитор. Взглянула на кружку с холодным кофе. Взглянула на степлер.

Он стоял на краю стола, серый, потёртый, с отломанным кусочком пластика на боку. Я его спёрла из общей кладовки года три назад, когда поняла, что нормальные степлеры в нашем офисе живут не дольше бабочек-однодневок. Этот был старым, советским ещё, тяжёлым, с тупым механизмом, который вечно заедал. Но я его любила. Он был надёжным, как танк. Я даже назвала его «Фридрих».

Фридрих стоял и смотрел на меня своим железным глазом-скобой.

– Ну что, дружище, – шепнула я. – Доживём до вечера?

Фридрих промолчал. Степлеры вообще неразговорчивые.

Час дня. Обед. Леночка упорхнула в кафе с подружкой, Петрович закрылся в кабинете и, судя по звукам, с кем-то яростно ругался по телефону. Я сидела одна в пустом офисе, жевала бутерброд с сыром и смотрела в одну точку.

За окном моросил всё тот же дождь. Где-то вдалеке сигналила машина. Гул ламп дневного света звучал как похоронный марш.

Я думала о жизни. О том, как я дошла до такой жизни. О том, что в двадцать пять я была полна амбиций, мечтала о карьере, о любви, о красивой жизни. А в тридцать пять я сижу в обнимку с бутербродом и мечтаю только о том, чтобы Леночка сломала ноготь и ушла на больничный.

Жестоко? Возможно. Но честно.

Я доела бутерброд, вытерла руки о салфетку и снова уставилась в монитор. Отчёт не писался. Цифры плыли перед глазами. Мысль о вечернем бокальчике вина стала почти навязчивой.

Я потянулась к мышке и вдруг заметила краем глаза какое-то движение. На столе. Рядом со степлером.

Я повернула голову.

Фридрих... светился.

Зелёным.

Тускло, едва заметно, но светился. Будто внутри у него зажглась маленькая неоновая лампочка.

Я моргнула. Протёрла глаза. Посмотрела на лампу под потолком – она работала нормально, без помех.

– Фридрих? – позвала я шёпотом. – Ты чего?

Степлер молчал. Но светился. Зеленоватое свечение пульсировало, как сердцебиение. Я протянула руку, чтобы потрогать, проверить, не глюк ли это от недосыпа (я спала всего четыре часа последние две ночи), и в этот момент он выстрелил.

Не знаю, как это описать иначе. Из механизма, который вечно заедал, со звоном вылетела скоба. Обычная металлическая скоба. И впиалась мне прямо в указательный палец.

– Ай! – заорала я, отдёргивая руку. – Твою ж...

Я не договорила. Потому что мир вокруг начал таять.

Офис растворился, как акварель под дождём. Сначала исчез монитор, потом стол, потом Леночкин стул с её дурацкой подушечкой «Счастье рядом». Петрович с его криками канул в небытие. Даже запах кофе и «Пьяной вишни» испарился.

Вместо всего этого была пустота. И я падала в неё.

Падение в никуда – это, скажу я вам, то ещё удовольствие.

Представьте, что вас засунули в стиральную машинку, включили режим «отжим» и при этом крутят во все стороны, да ещё и подкидывают. Меня выворачивало наизнанку, перед глазами мелькали какие-то фиолетовые воронки, в ушах свистел ветер, и всё это сопровождалось запахом... пирожков с капустой? Да, именно пирожков. Странный набор для перемещения между мирами, но кто я такая, чтобы спорить с вселенским абсурдом?

Я попыталась закричать, но звук утонул в вязкой тишине. Вокруг проносились образы: чьи-то оскаленные морды с множеством глаз, офисные документы, летящие в бездну, знакомое лицо Леночки, которое кривилось в злорадной ухмылке, и огромная печать с надписью «ПРОСРОЧЕНО», которая надвигалась на меня, как поезд.

А потом я услышала голос.

Сухой, механический, без интонаций. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно:

– Двадцать пятая... Опять двадцать пятая... Когда это кончится? У меня отчётность не сходится.

Я хотела спросить, кто он и что за фигня тут происходит, но в этот момент падение прекратилось.

Резко. Жёстко. Мордой вниз.

Земля была мокрая, холодная и пахла прелой листвой. И шевелилась.

Я открыла глаза и поняла две вещи.

Первое: я жива. Хотя после такого приземления не должна была.

Второе: я лежу лицом в клумбе. В клумбе с чёрными розами.

Чёрные розы, надо сказать, выглядели не как те, что продают в магазине восьмого марта. Эти были крупные, с бархатными лепестками, но от них исходила какая-то угроза. Они тянулись ко мне. Буквально тянулись на своих стеблях, как щупальца, и я отчётливо увидела, что у них есть шипы. Огромные, загнутые, размером с мой палец. И эти шипы явно целились мне в нос.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я заорала.

– АХ ТЫ Ж ГАДИНА! А НУ ПОШЛА ВОН, ЗАРАЗА КОЛЮЧАЯ!

Я не ведьма, не маг и не героиня. Я просто менеджер, который привык орать на всё, что бесит. И это сработало.

Розы замерли. Потом обиженно поникли, скукожились и завяли прямо на глазах, превратившись в чёрные тряпочки, которые безвольно повисли на стеблях.

Я часто задыхалась, приходя в себя, и только тогда осознала, где нахожусь.

Я сидела в какой-то грязи, на какой-то клумбе, посреди чего-то, что отдалённо напоминало парк. Но парк этот был... неправильным. Деревья росли криво, с ветвями, закрученными в спирали. Трава была серо-зелёной, как будто её присыпали пеплом. А небо...

Небо было серым.

Не пасмурным, не дождливым, а именно серым. Цвета старого бетона. Ни облачка, ни солнца, только одна сплошная, безжизненная, давящая серость. Где-то в вышине светилось бледное пятно – попытка солнца напомнить о себе, но попытка жалкая и неудачная.

Я медленно поднялась на ноги, чувствуя, как хлопает вода в кроссовках. Джинсы порваны на колене. Любимые, между прочим, я их в прошлом месяце купила на распродаже. Свитер в грязи, волосы, и так вечно рыжие и торчком, сейчас, судя по ощущениям, напоминали воронье гнездо после урагана.

– Где я? – спросила я вслух.

Голос прозвучал сипло и жалко. Никто не ответил. Только где-то вдалеке каркнула ворона, но как-то печально, без энтузиазма.

Я огляделась. Вокруг клумбы тянулась аллея, вымощенная серым камнем. Вдоль аллеи стояли скамейки, но не обычные, а кованые, с завитушками, и на каждой сидела горгулья. Каменные морды смотрели в разные стороны, и одна, та, что ближе ко мне, определённо подмигнула.

Я зажмурилась. Открыла глаза. Горгулья сидела с каменным лицом, но мне показалось, или угол её рта дёрнулся в усмешке?

– Так, – сказала я твёрдо. – Это сон. Это просто очень реалистичный, дурацкий сон. Я сплю за столом, уронила голову на клавиатуру, и сейчас проснусь с отпечатком Enter на лбу.

Я ущипнула себя за руку. Больно.

– Не сон.

Ущипнула сильнее. Ещё больнее.

Горгулья хихикнула. Явно, отчётливо, противно хихикнула, как старая бабка на лавочке.

– Ладно, – выдохнула я. – Либо меня похитили инопланетяне и создали декорации для реалити-шоу «Выживание в стране чудиков», либо я сошла с ума, и это палата с особо дорогим дизайном.

– Либо вы двадцать пятая за этот месяц, – раздался усталый голос прямо у меня над ухом.

Я подпрыгнула так, что едва не приземлилась обратно в клумбу с завядшими розами. Рядом со мной стоял он.

Высокий. Очень высокий. Бледный – такой бледности я в жизни не видела, даже у вампиров из дешёвых фильмов. Чёрные волосы чуть длиннее, чем надо, падают на лоб. Чёрный длинный плащ из дорогой ткани, явно не с рыночной развалюхи. Под плащом – тёмный камзол, белая рубашка, высокие сапоги. Красивое лицо, но такое... уставшее, будто он только что разгрузил вагон угля зубами, а потом ещё и отчётность сдавал.

И самое главное – у него под глазами были огромные синяки. Не те, что бывают от недосыпа, а такие, художественные, фиолетово-чёрные, будто их специально нарисовали акварелью.

Он смотрел на меня с выражением глубочайшей обречённости.

– Конрад фон Шталь, – представился он тоном, каким обычно говорят «сантехник из ЖЭКа, пятый подъезд, кран чинить». – Лорд, маг, начальник тайной стражи. А вы, судя по огненным волосам и тому, что мои проклятые розы вас не сожрали, – ведьма.

Я моргнула.

– Чего?

– Ведьма, – терпеливо повторил он, доставая откуда-то из складок плаща толстую папку и перьевую ручку. – Из пророчества. Та, что спасёт мир от Великой Тоски или что-то в этом роде. Я в детали не вникал, честно говоря. Двадцать четвёртая сбежала на второй день, сказала, что у неё аллергия на серое небо. Двадцать третья попыталась открыть портал обратно и промахнулась – теперь она в соседнем мире, кажется, замужем за драконом, шлёт открытки.

Он открыл папку и начал что-то писать, не глядя на меня.

– Итак. Протокол прибытия ведьмы из другого мира. Пункт первый: ваша магическая специализация? Огненная? Водная? Ментальная? Некромантия? Хотя на некромантку вы не тянете, слишком живые глаза.

Я открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Слова застревали в горле. Перед глазами всё плыло.

– Я... – выдавила я наконец. – Я менеджер. Зоя Нечаева. Я не ведьма. У меня ипотека. И кот.

Конрад поднял на меня взгляд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Ипотека? – переспросил он. – Это магический артефакт?

– Это кредит! – рявкнула я, начиная закипать. Адреналин, видимо, всё ещё гулял в крови. – Долг перед банком! На двадцать лет! Который я должна платить, даже если меня убили степлером и зашвырнули в этот... этот...

Я обвела рукой серый парк, горгулий и его самого.

– В Тоскливый Дол, – подсказал Конрад. – Мир называется Тоскливый Дол. Главный город – Унылбург. Очень уныло, но жить можно. Если не обращать внимания на монстров.

– Монстров? – пискнула я.

– Ну да. Тоскливые волки, например. Они не кусаются, зато ноют так, что хочется повеситься. Ещё солевые черви, но они вылезают, только если соль рассыпать. Вы соль не рассыпали?

– Я... я не...

– Значит, черви не страшны. – Он сделал пометку в папке. – Хорошо. Пункт второй: уровень угрозы для окружающих. Вы кого-нибудь уже убили? Случайно, нечаянно?

– Я никого не убивала! – заорала я. – Я вообще не убийца! Я офисный планктон!

– Планктон? – Конрад наморщил лоб. – Это такая водная нечисть? В нашем мире она не водится, но я запишу на всякий случай. – Он чиркнул в папке. – Пункт третий: есть ли при себе артефакты?

– Какие артефакты?! У меня только степлер в кармане!

Я сунула руку в карман куртки и с удивлением нащупала знакомый холодный металл. Фридрих! Он был со мной! Я вытащила его и уставилась на потёртый бок. Степлер выглядел обычно, никакого зелёного свечения.

Конрад выхватил его у меня из рук быстрее, чем я успела моргнуть. Он повертел его, понюхал, даже лизнул.

– Эй! – возмутилась я. – Вы чего? Это мой степлер!

– Сильный артефакт, – задумчиво сказал он, игнорируя мои вопли. – Древний. Почувствовал зов. Видимо, он вас и притянул.

– Он сломанный, – возразила я. – Он скобы заедает постоянно.

– Это не скобы. Это магические заряды. Вы, видимо, просто не туда целились.

Конрад вернул мне степлер и снова уставился в свои бумаги. Я стояла посреди этого безумного парка, сжимая в руках Фридриха, и пыталась осознать реальность. Реальность не поддавалась.

– Так, – сказал Конрад, захлопывая папку. – С вами всё ясно. Ведьма-самородок, без образования, с артефактом, уровень угрозы не определён. Пойдёмте.

– Куда? – насторожилась я.

– В замок. Чай пить. Я обещал, если вы перестанете кричать. Вы вроде перестали.

– Я не переставала! Я просто охрипла!

– Тем более. Чай с мятой полезен для голоса. Идёмте.

Он развернулся и зашагал по аллее, даже не оглядываясь, уверенный, что я пойду за ним. И я пошла. Потому что вариантов у меня всё равно не было. Сидеть в клумбе с мёртвыми розами и ждать, когда проснусь? Я уже поняла, что не проснусь.

Горгуля, та самая, которая хихикала, проводила меня взглядом и отчётливо прошептала:

– Двадцать пятая... Ну-ну, посмотрим.

Я ускорила шаг.

Замок лорда Конрада фон Штала был именно таким, каким и должен быть замок угрюмого лорда в мрачном мире. Огромный, каменный, с башнями, уходящими в серое небо, с бойницами и чёрным флагом, на котором был вышит грустный единорог.

– Почему единорог грустный? – спросила я, когда мы подошли к воротам.

– Потому что он единорог, – ответил Конрад таким тоном, будто это всё объясняло. – В Тоскливом Доле все грустные. Это особенность климата.

Ворота открылись сами собой, с жутким скрипом, от которого у меня заныли зубы. Мы вошли во внутренний двор, и я поняла, что замок не просто мрачный, а ещё и... обжитый. В углах висели объявления, написанные от руки: «Утерян скелет, отзывается на имя Костян. Нашедшего просьба не пугать, он сам пугается». Рядом красовалось ещё одно: «Привидениям вход в кухню воспрещён! Особенно тем, кто умеет проходить сквозь стены и воровать пирожки!».

По двору бродили куры. Серые, тоскливые, они клевали зерно и периодически вздыхали. Куры вздыхали! Я никогда не слышала, чтобы куры вздыхали.

– У них тоже депрессия, – прокомментировал Конрад, заметив мой взгляд. – Климат, я же говорю.

Мы вошли в замок. Внутри оказалось не так мрачно, как снаружи. Горели свечи в канделябрах, на полу лежали ковры, правда, потёртые, а по коридорам бегали... привидения. Насто-

ящие, белые, полупрозрачные. Одно из них, пробегая мимо, зацепилось за люстру и выругалось:

– Клара! Опять ты люстру не протёрла! Я тут чуть не застрял!

Из-за угла высунулась голова женщины. Живой, не прозрачной, с пучком седых волос и безумными добрыми глазами.

– А ты не летай, где не надо! – крикнула она привидению. – И вообще, идите все в столовую, там пироги стынут!

Привидение обиженно фыркнуло и улетело. Женщина вышла в коридор, вытирая руки о передник, и уставилась на меня с таким любопытством, будто я была новой игрушкой.

– Ой! – всплеснула она руками. – Лорд Конрад! Ещё одна? Двадцать пятая? А ничего так, рыженькая. Худенькая только. Будем откармливать!

– Клара, – устало сказал Конрад. – Это Зоя. Ведьма. Пока без классификации. Посели её в голубой комнате. И покорми. А мне надо в канцелярию, заполнить бумаги.

Он передал меня с рук на руки этой суетливой женщине и исчез в коридоре так быстро, будто его никогда и не было.

– Ну пойдём, пойдём, милая, – затараторила Клара, подхватывая меня под руку. – Ты с дороги небось устала, замёрзла, натерпелась страху. Ничего, сейчас чайку с пирожками, и всё пройдёт. Я Клара, я здесь горничная и по совместительству повариха. А ты не смотри, что тут всё такое серое, мы люди хорошие, весёлые. Ну, относительно весёлые. Для Тоскливого Дола – очень даже весёлые.

Она тащила меня по коридорам, заговаривая зубы, и я даже не успевала рассматривать обстановку. Мелькали портреты на стенах (все с грустными лицами), какие-то рыцарские доспехи (в одном шевелилось что-то подозрительное), и периодически из-под ног разбегались тени.

Наконец мы остановились у двери, и Клара распахнула её с гордым видом:

– Вот! Голубая комната!

Комната и правда была голубой. Обои, шторы, покрывало на кровати – всё небесно-голубое. Но небо, как я уже знала, здесь было серым, поэтому голубой цвет выглядел неуместно и даже вызывающе.

– Красиво, – вежливо сказала я.

– Ага! – обрадовалась Клара. – Я сама обои клеила. Правда, привидения потом неделю жаловались, что у них рябит в глазах, но я сказала: терпите, не у вас одного проблемы.

Она подтолкнула меня к креслу у камина (камин не горел, но дрова лежали) и убежала за чаем. Я осталась одна.

Села в кресло. Обхватила голову руками. Всё происходящее было настолько абсурдным, что мозг отказывался это переваривать. Я попыталась применить логику. Итак, меня убило степлером. Я попала в другой мир. Здесь серое небо, грустные люди, говорящие привидения и лорды с синяками под глазами. Меня считают ведьмой из пророчества. У меня есть магический степлер.

Логика сломалась и запросила пощады.

В комнату влетела Клара с подносом. На подносе дымился чайник, стояла тарелка с пирожками и варенье в розетке. Пирожки пахли так, что у меня потекли слюни.

– На, кушай, милая, – засуетилась Клара. – Пирожки с капустой. Я тут немного успокаивающего корня мандрагоры добавила, но ты не бойся, это полезно, нервы укрепляет. И сон хороший будет.

Я схватила пирожок и впилась в него зубами. Вкусно. Невероятно вкусно. Горячее тесто, сочная капуста... Я чуть не заплакала от удовольствия.

– Клара, – спросила я с набитым ртом. – А что это за мир? Почему он такой... серый?

Клара вздохнула и присела на краешек стула.

– Это, милая, проклятие. Давнее. Сто лет назад наш мир был как ваш – с солнышком, с радугой, с птичками. А потом пришла Великая Тоска. Никто не знает, что это было. Может, тёмный маг нашкодил, может, боги прогневались. Только с тех пор небо таким и осталось. Серым. И люди грустные. И звери грустные. И всё грустное.

– А лорд Конрад? – спросила я. – У него синяки под глазами – это тоже от грусти?

Клара хихикнула:

– Ой, это его родовое проклятие. У них в роду все мужчины с синяками ходят. Говорят, прадед его на ведьме жениться отказался, вот она и обиделась. Теперь они все магическую метку носят, спать нормально не могут и служат в тайной страже до конца дней.

– Жестоко.

– А то. Но лорд Конрад ничего, держится. Работающий, занудный, но справедливый. Ты его не бойся.

– Я и не боюсь, – честно сказала я. – Я просто офигела от всего этого.

Клара понимающе кивнула, будто слово «офигела» было местным наречием. Потом вско-чила:

– Ой, заболталась я с тобой! А мне ещё ужин готовить! Ты отдыхай, милая. Если что – зови. Я рядом.

Она выпорхнула за дверь, и я снова осталась одна. Доела пирожки, выпила чай (с мандрагорой или без, но он был обалденный), и вдруг почувствовала, что глаза слипаются. Усталость навалилась мгновенно, будто кто-то выключил рубильник. Я кое-как доплелась до кровати, рухнула на голубое покрывало и провалилась в сон даже не успев разуться.

Проснулась я оттого, что кто-то дышал.

Ритмично, тяжело, прямо у меня над ухом.

Я замерла. Открыла один глаз. В комнате было темно, только луна (серая, конечно) светила в окно. Я лежала на спине, укрытая пледом (видимо, Клара заходила), и смотрела в потолок.

Дыхание не прекращалось.

Я медленно, очень медленно повернула голову. Рядом с кроватью никого не было. Дыхание продолжалось.

Тогда я посмотрела вниз. Под кровать.

Там была темнота. Не обычная темнота, которая бывает под кроватями, а живая, шевелящаяся, густая, как кисель. И в этой темноте горели два глаза. Жёлтых, с вертикальными зрачками.

– Твою ж дивизию, – прошептала я.

Темнота под кроватью шевельнулась, и из неё раздался голос. Обычный человеческий голос, чуть хрипловатый, с лёгкой обидой:

– Привет. А я тут сижу. Скучно.

Я села на кровати, поджав ноги. Сердце колотилось где-то в горле.

– Ты... кто? – выдавила я.

– Я Сёма, – ответила темнота. – Тень под кроватью. Вообще-то я под этой кроватью уже лет тридцать живу. Ещё с прошлого хозяина. А ты кто?

– Я... Зоя.

– Красивое имя. – Темнота одобрительно колыхнулась. – Ты надолго? А то мне тут одному скучно. Иногда, конечно, привидения залетают, поболтать, но они всё больше о своём, о потустороннем. А тут ты живая, рыжая. Красиво.

Я моргнула. Я разговаривала с тенью под кроватью. Тень жаловалась на скуку и делала мне комплименты.

– Сёма, – осторожно начала я. – А ты... ты не опасный?

– Я? – Темнота, кажется, удивилась. – Да ты что! Я самый безобидный. Я пыль коллекционирую. И сквозняков боюсь. Вот если сквозняк, я сразу в щель забиваюсь, чтоб не сдуло.

– Понятно, – выдохнула я. – А... пугать людей – это ты так развлекаешься?

– Да не, – обиделся Сёма. – Это я просто дышал. Я всегда дышу, когда кто-то спит. Успокаивает. Тебе не нравится?

Я посмотрела на жёлтые глаза в темноте. На шевелящуюся массу под кроватью. На свои трясущиеся руки.

И вдруг меня прорвало.

– Сёма, – сказала я, и голос мой дрожал не от страха, а от истерики. – Я сегодня погибла от степлера. Я провалилась в фиолетовую воронку. Приземлилась в горящие розы. Познакомилась с лордом, у которого синяки – это проклятие. Поела пирожков с мандрагорой. И теперь я разговариваю с тенью под кроватью. У меня уже нет сил бояться. Поэтому, пожалуйста, просто... просто дыши тихо, ладно? Мне завтра, наверное, снова вписываться в какие-то неприятности. Надо выспаться.

Темнота под кроватью замерла. Потом жёлтые глаза моргнули.

– Ладно, – сказал Сёма. – Буду тихо. Спокойной ночи, Зоя.

– Спокойной ночи, Сёма.

Я легла обратно на подушку, натянула плед до подбородка и уставилась в потолок. Дыхание из-под кровати стало тихим, почти незаметным.

За окном светила серая луна. Где-то вдалеке завыл тоскливый волк – выл он, кстати, не на луну, а просто так, для настроения, жалобно и нудно.

Я закрыла глаза.

«Ипотека, – подумала я. – Барсик. Леночка. Петрович. Это была какая-то другая жизнь. Или сон. А это... это моя новая реальность. Где я ведьма, у меня есть магический степлер, а под кроватью живёт Сёма, который коллекционирует пыль».

Из-под кровати донеслось тихое сопение.

– Спи, Сёма, – шепнула я в темноту. – Завтра на работу.

– А работа есть? – тут же откликнулся он.

– У ведьм работа всегда есть.

– Круто, – довольно вздохнула тень. – Я с тобой.

Я улыбнулась в подушку. Бред. Полный бред. Но почему-то от этого бреда на душе стало тепло.

В коридоре прошаркали шаги Клары, где-то за стеной поругались привидения, а я провалилась в сон без сновидений.

Впереди был новый день. И я понятия не имела, что он мне принесёт.

Но, чёрт возьми, впервые за долгое время мне было интересно.

ГЛАВА 1: Протокол для попаданки

Я проснулась оттого, что кто-то громко и настойчиво скрёбся в дверь.

Скрёбся – это в прямом смысле. Звук был такой, будто огромная крыса решила сделать карьеру столяра и точит когти о дерево. Я приподняла голову, пытаюсь сообразить, где нахожусь, и почему моя подушка пахнет лавандой, а не застарелым кофе и офисной пылью.

Потом вспомнила всё.

Степлер. Падение. Чёрные розы. Лорд с синяками. Горгулья, которая хихикала. И Сёма под кроватью.

Я резко села и заглянула вниз. Под кроватью было темно, но тихо. Жёлтых глаз не наблюдалось.

– Сёма? – позвала я шёпотом.

– А? – тут же отозвались из темноты. – Ты проснулась? А я тут дышу потихоньку, как ты просила.

Я выдохнула. Живой. То есть, живая темнота. В общем, он на месте.

– Молодец, – похвалила я. – Продолжай в том же духе.

– А можно я теперь буду не только дышать, но и разговаривать? – с надеждой спросил Сёма. – А то я всю ночь молчал, устал молчать.

– Разговаривай, – разрешила я, нащупывая ногами пол. – Только тихо.

Скрёб в дверь тем временем усилился и теперь сопровождался приглушённым голосом:

– Леди Зоя? Вы проснулись? Леди Зоя! Там лорд Конрад требует вас в кабинет! Уже полчаса как требует! Леди Зоя!

– Иду! – крикнула я, пытаюсь нащупать хоть какую-то одежду кроме вчерашних грязных джинсов.

На стуле аккуратно висело что-то длинное, тёмное и явно не моё. Я присмотрелась – платье. Настоящее средневековое платье, с корсетом, длинными рукавами и подолом, в котором можно замести ползамка.

– Это Клара принесла, – подсказал Сёма из-под кровати. – Сказала, твоя одежда не подходит для Тоскливого Дола. Слишком яркая, всех пугает.

Я посмотрела на свои джинсы. Обычные синие джинсы, которые я купила на распродаже. Яркие? Для мира, где всё серое, наверное, да.

– Ладно, – вздохнула я и начала натягивать платье.

Процесс одевания занял минут пятнадцать и сопровождался моими приглушёнными проклятиями, которые Сёма комментировал с неподдельным интересом:

– Ой, а это слово я от предыдущего хозяина слышал. Он его говорил, когда сапоги жали. А это что значит?

– Не бери в голову, Сёма.

– А у меня нет головы, – напомнил он. – Я тень. У меня только форма есть.

– Тем более.

Наконец я кое-как зашнуровалась, запахнулась и поняла, что платье сидит как влитое. И даже цвет мне идёт – тёмно-синий, почти чёрный. Клара, видимо, знала толк в своём деле.

Я открыла дверь и чуть не наступила на горничную, которая сидела на корточках и само-забвенно скребла дверь ногтями.

– Ой! – подпрыгнула она. – Леди Зоя! А я уж думала, вы не проснётесь! Лорд Конрад там места себе не находит!

– Места не находит? – переспросила я. – В своём огромном замке?

– Ну, в переносном смысле, – захихикала Клара. – Бегаёт по кабинету и бумажки пере-кладывает. Это у него нервное. Пойдёмте, я провожу.

Она схватила меня за руку и потащила по коридорам. Я едва успевала переставлять ноги в непривычно длинной юбке, придерживая подол, чтобы не споткнуться.

Замок при дневном (ну, при сером) свете выглядел ещё более впечатляюще, чем вчера вечером. Высокие сводчатые потолки, каменные стены, украшенные гобеленами с вышитыми сценами охоты на каких-то зубастых тварей, канделябры с оплывшими свечами, тяжёлые дубовые двери с чугунными ручками.

По дороге нам попалось привидение – то самое, что вчера ругалось на люстру. Сегодня оно плыло по коридору с очень деловым видом и несло под мышкой стопку книг. Книги были прозрачными, как и оно само.

– Клара, – строго сказала привидение, завидев нас. – Ты почему люстру до сих пор не протёрла? Я вчера чуть не застрял, весь вымазался в пылище!

– Так пыль же не на тебе, а на люстре, – резонно заметила Клара. – Ты сквозь неё пролетел, какая разница?

– Эстетическая! – фыркнуло привидение и уплыло дальше, бормоча что-то о безалаберности живых.

Я проводила его взглядом.

– Клара, а у всех привидений такие... характеры?

– Ой, – отмахнулась она. – Это Филимон, наш местный зануда. Он при жизни библиотекарем был, вот и теперь всё проверяет, всё контролирует. Мы его любим, но иногда хочется святой водой побрызгать. Не бойся, он безобидный.

– Я уже перестала бояться, – честно призналась я. – У меня лимит страха на сегодня исчерпан.

– И правильно, – одобрила Клара и остановилась у массивной двери с металлической табличкой, на которой было выгравировано: «Лорд Конрад фон Шталь. Начальник тайной стражи. Без стука не входить! Особенно демонам!».

– Нам можно, – подмигнула Клара и, проигнорировав табличку, громко постучала. – Лорд Конрад! Привела!

Из-за двери донеслось что-то неразборчивое, похожее на «в-а-а-йдите», и Клара распахнула дверь, подталкивая меня в спину.

Кабинет лорда Конрада оказался именно таким, каким и должен быть кабинет угрюмого начальника тайной стражи. Огромный письменный стол из тёмного дерева, заваленный бумагами. Высокий стул с резной спинкой. Шкафы с книгами и папками до самого потолка. На стенах – карты, портреты мрачных личностей в рамках и несколько мечей.

И сам лорд Конрад.

Он стоял у окна (серого, естественно) и смотрел вдаль с таким видом, будто ждал конца света, но уже устал ждать. Услышав мои шаги, он обернулся, и я снова увидела эти жуткие синяки под глазами. При дневном свете они выглядели ещё хуже – фиолетовые с синим оттенком, будто он неделю не спал и всё это время плакал.

– Леди Зоя, – кивнул он. – Рад, что вы проснулись. Проходите, садитесь.

Он указал на стул напротив стола. Я послушно села, пытаюсь принять приличный вид, но юбка платья всё норовила завернуться куда-то не туда.

– Я подготовил протокол, – сказал Конрад, усаживаясь в своё кресло и беря в руки толстую папку. – Нам нужно его заполнить. Это стандартная процедура для всех прибывших из других миров.

– Протокол? – переспросила я. – Вы серьёзно? Меня застрелили степлером, зашвырнули в вашу серую реальность, где розы кусаются, а под кроватью живёт говорящая тень, и первое, что вы делаете – заполняете бумажки?

Конрад посмотрел на меня с лёгким укором.

– Леди Зоя, в Тоскливом Доле всё делается через бумажки. Иначе наступает хаос. Вы же не хотите хаоса?

– Я хочу домой, – твёрдо сказала я.

– Это мы тоже оформим. – Он достал из папки ещё один лист. – Заявление на возвращение в родной мир. Подаётся в трёх экземплярах, заверяется у нотариуса, магического эксперта и в отделе порталной безопасности. Срок рассмотрения – от трёх до пяти лет.

Я открыла рот.

– Трёх до пяти лет?!

– Бюджетные сокращения, – вздохнул Конрад. – Раньше быстрее было, но после того, как двадцать первая ведьма умудрилась открыть портал прямо в кабинете начальника канцелярии и затопила его нечистотами из какого-то мира, где всё работает через канализацию... В общем, теперь с порталами строго.

Я закрыла рот. Потом открыла снова.

– Какая ещё двадцать первая ведьма?

Конрад полистал папку.

– Все попаданки из пророчества нумеруются для удобства отчётности. Вы – двадцать пятая. Двадцать четвёртая, как я уже говорил, сбежала на второй день, заявив, что у неё аллергия на серое небо. Двадцать третья вышла замуж за дракона в соседнем мире. Двадцать вторая пыталась организовать здесь профсоюз ведьм, но её арестовали за подстрекательство к бунту.

– И куда её?

– Сидит в тюрьме, – равнодушно сказал Конрад. – Пишет жалобы. У неё уже пятьсот страниц накопилось. Мы их используем как туалетную бумагу.

– У вас есть туалетная бумага? – оживилась я.

– Нет. Мы используем жалобы.

Я решила, что лучше не уточнять детали.

– Так вот, – Конрад водрузил на нос очки (откуда они у него взялись – загадка, но в них он выглядел почти мило), – приступим. Пункт первый: имя, фамилия, возраст, семейное положение.

– Зоя Нечаева. Тридцать пять. Разведена.

Он записал.

– Разведена – это хорошо. Меньше вероятность, что супруг подаст на вас в суд за невыплату алиментов после исчезновения. У нас с этим строго.

– С чего бы ему подавать? Мы развелись три года назад, он женился на своей фитнес-тренерше.

– Всё равно, – Конрад сделал пометку. – Пункт второй: магическая специализация.

– У меня нет магической специализации.

– Не может быть. Вы ведьма.

– Я не ведьма!

– Вы заставили мои проклятые розы завянуть одним криком. Это магия. Розы эти прокляты древним проклятием, их даже огневики не берут. А вы просто заорали, и они сдулись.

– Я всегда так ору, когда пугаюсь, – возразила я.

Конрад снял очки и посмотрел на меня с выражением глубочайшей усталости.

– Леди Зоя. Давайте договоримся. Вы ведьма. Я лорд и начальник тайной стражи. У меня куча работы, дедлайны горят, демоны шалят, отчётность не сходится, а тут ещё вы. Давайте просто заполним бумажки, я поставлю галочки, и мы разойдёмся. Вы будете жить в замке, питаться, иногда колдовать по мелочи, а я буду делать вид, что у меня всё под контролем. Идёт?

Я задумалась. Предложение звучало почти разумно. Почти.

– А кофе у вас есть? – спросила я.

– Есть. Замковый. Клара варит.

– Нормальный кофе? Не из носков троллей?

Конрад моргнул.

– Я не знаю, что такое носки троллей, но кофе нормальный. С цикорием, правда. Цикорий здесь магический, успокаивает.

– Цикорий, – вздохнула я. – Ладно. Хоть что-то.

– Значит, договорились? – Он снова надел очки. – Тогда продолжим. Магическая специализация: огненная, водная, воздушная, ментальная, некромантия?

– Откуда я знаю?

– Хорошо, поставим «не определена». Пункт третий: уровень угрозы для окружающих. Вы кого-нибудь уже убили? Случайно?

– Я же говорила – нет!

– А нечаянно?

– Тоже нет!

– А на работе? Коллегу? Начальника? Может, в мыслях?

– В мыслях – всех, – призналась я. – Но это не считается.

– Не считается, – согласился Конрад и записал. – Уровень угрозы – минимальный. Пункт четвёртый: наличие артефактов.

Я полезла в карман платья (к моему удивлению, карманы там были, и огромные) и вытащила Фридриха. Степлер выглядел обычно, но Конрад при его виде заметно оживился.

– Ага, – сказал он, протягивая руку. – Дайте-ка.

Я отдала. Он снова повертел степлер, понюхал, полистал свои бумаги, сверяясь с какими-то записями.

– Древний артефакт, – заключил он. – Очень древний. Я таких не видел. Судя по ауре, он не просто перенёс вас, а связан с вами магически. Вы его как называли?

– Фридрих.

– Фридрих? – Конрад поднял бровь. – Почему?

– Не знаю. Просто имя. Он надёжный.

– Хорошо. Фридрих, значит. – Он записал. – Артефакт личный, именной, уровень силы не определён. Носите с собой, не теряйте. И не кидайтесь им в людей.

– Я и не кидаюсь.

– Пока, – многозначительно сказал Конрад и вернул мне степлер.

Я спрятала Фридриха обратно в карман и вдруг почувствовала себя чуть спокойнее. Странно, но присутствие этой железки успокаивало.

– Пункт пятый: место проживания на время адаптации, – продолжил Конрад. – Вы будете жить в замке. Голубая комната ваша. Питание за счёт заведения. Обязанности: не колдовать без разрешения, не ломать казённое имущество, не пугать прислугу, не устраивать революций.

– Каких революций?

– Любых. У нас с этим строго. Прошлая попаданка пыталась свергнуть власть и организовать совет ведьм. Еле успокоили.

– Я не революционерка, – заверила я. – Я менеджер. Моя задача – выжить и не отсвечивать.

– Это хорошо, – одобрил Конрад. – Пункт шестой: знание местных законов и обычаев. Вы их не знаете, поэтому назначаю вам куратора. Клару. Она введёт в курс дела.

– Клару? Ту, которая вяжет носки из паутины?

– Она их не носит, она их коллекционирует, – поправил Конрад. – Это хобби. У всех есть хобби. У Морта, например, коллекционирование сплетен.

– У Морта?

– Мортимер, наш дворецкий. Скелет. Вы его ещё не видели? Увидите. Его сложно не заметить, он скрипит.

Я вспомнила вчерашние странные звуки в коридорах и кивнула.

Конрад захлопнул папку и снял очки.

– Всё. Официальная часть закончена. Теперь неофициальная.

– Какая?

Он встал из-за стола и подошёл к окну.

– Вы, леди Зоя, не просто так здесь оказались. Пророчество существует. Оно древнее, глупое, но существует. «Когда Великая Тоска накроет мир, явится ведьма с огненными волосами и железным сердцем, и принесёт она оружие порядка, чтобы победить хаос». Ваши волосы – огненные. Ваш степлер – оружие порядка. Вы – ведьма.

– Я менеджер, – упрямо повторила я.

– В нашем мире менеджеров нет. Есть ведьмы, маги, демоны, призраки и прочие. Вы будете ведьмой. Смиритесь.

– А если не смирюсь?

Конрад обернулся и посмотрел на меня с такой тоской, что мне на миг стало его жалко.

– Тогда я не знаю, что делать. Двадцать четыре попаданки до вас уже были. Одни сбежали, другие сошли с ума, третьи вышли замуж за демонов и прислали открытки. Вы – последняя надежда. Если вы откажетесь, Инспектор Вечности придёт, проверит всех, и Унылбург опустеет. А потом и весь Тоскливый Дол. И некому будет даже бумажки заполнять.

Я молчала. В его голосе было столько отчаяния, что мне стало не по себе.

– Когда он придёт? – спросила я.

– Через три месяца.

– Три месяца? – Я чуть не подпрыгнула. – А предыдущие попаданки что делали?

– Пытались готовиться. Двадцать четвёртая, та, что с аллергией, сказала, что без солнца колдовать не может. Двадцать третья улетела к дракону. Двадцать вторая в тюрьме. Двадцать первая... ну, с ней вообще отдельная история.

– И вы хотите, чтобы я за три месяца научилась магии и победила какого-то инспектора?

– Я хочу, чтобы вы попытались, – честно сказал Конрад. – У нас больше никого нет.

Мы смотрели друг на друга. Он – с надеждой. Я – с ужасом.

– Мне нужно подумать, – сказала я наконец.

– Думайте. Время есть. Три месяца – это девяносто дней. Две тысячи сто шестьдесят часов. Много.

– Спасибо, что утешили, – буркнула я и встала.

Конрад кивнул и снова уставился в окно, на серое небо. Я вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь.

В коридоре меня ждала Клара.

– Ну что? – зашептала она. – Рассказал? Про пророчество? Про инспектора?

– Рассказал, – вздохнула я.

– И ты согласилась?

– Я сказала, что подумаю.

– Ой, – Клара всплеснула руками. – Конечно, думай. Дело ответственное. А пока пойдём, я тебя с Мормом познакомлю. И завтрак покажу. Ты же голодная?

Я прислушалась к себе. Желудок жалобно заурчал.

– Голодная, – призналась я.

– Вот и отлично! За едой и думается лучше!

Кухня замка оказалась огромной, жаркой и пахла так, что у меня потекли слюни. В огромном камине потрескивал огонь, на вертеле жарилось что-то мясное, на плите булькали кастрюли, а по столешницам бегали... маленькие огненные шарики?

– Это огневики, – пояснила Клара, заметив мой взгляд. – Помощники. Мешают тесто, чистят овощи, следят за огнём. Очень удобно, только иногда шалят.

Один из огневиков подкатился ко мне, мигнул и чихнул искрами.

– Будь здоров, – сказала я.

Огневик довольно засветился ярче и укатил обратно к плите.

– А вот и Морт! – объявила Клара.

Из кладовки вышел скелет.

Настоящий скелет. Человеческий, в смысле – кости, череп, позвоночник, рёбра, таз и всё такое. Одет он был в чёрный фрак, белоснежную манишку и бабочку. В руках держал поднос с чашками.

При каждом шаге его кости издавали тихий, но отчётливый скрип.

– Леди Зоя, – произнёс он голосом, который, наверное, можно назвать скрипучим, но скорее просто сухим, как старый пергамент. – Мортимер, к вашим услугам. Дворецкий, виночерпий и главный хранитель замковых тайн. Прошу любить и жаловать.

Он поклонился, и его позвоночник противно хрустнул.

– Ой, – сказала я. – Вам больно?

– Привык, – отозвался Морт, выпрямляясь. – За двести лет уже и не замечаю. Вот артрит замучил. Кости ноют к дождю. А дождь у нас, как видите, всегда.

– Дождя же нет, – удивилась я. – Только серость.

– Это он и есть, – вздохнул Морт. – Серый дождь. Невидимый. Но кости чувствуют.

Я представила, как кости чувствуют невидимый дождь, и решила, что это слишком сложно для моего утра.

Клара усадила меня за огромный деревянный стол и поставила передо мной тарелку с яичницей, жареным мясом, свежими булочками и каким-то розовым вареньем.

– Ешь, – велела она. – Морт, налей леди Зое кофе.

Морт наполнил чашку из кофейника, и я вдохнула аромат. Настоящий кофе! С цикорием, но настоящий!

Я отпила и чуть не застонала от удовольствия.

– Боги, как вкусно.

– Конечно вкусно, – довольно сказала Клара. – Я туда капельку счастья добавляю.

– Счастья? – Я поперхнулась. – Это такой ингредиент?

– Магический, – пояснил Морт, присаживаясь на соседний стул (кости жалобно скрипнули). – Клара умеет извлекать эссенцию счастья из воспоминаний. Капелька в кофе – и день начинается бодрее.

– А это законно? – насторожилась я.

– В Тоскливом Доле всё, что поднимает настроение, законно, – махнул рукой Морт. – Иначе бы мы все давно повесились.

Я решила не спорить и сосредоточилась на еде. Яичница таяла во рту, мясо было нежнейшим, булочки хрустели, а варенье оказалось малиновым, но с каким-то цветочным послевкусием.

– Это варенье из счастливых снов, – пояснила Клара, заметив мой вопрос. – Тоже моё изобретение.

– Вы гений, Клара, – искренне сказала я.

– Ой, да ладно, – засмушалась она. – Просто жить-то хочется хорошо, даже если небо серое.

За завтраком я расспрашивала их о мире. Морт, как главный хранитель тайн, рассказывал охотно, периодически вставляя комментарии о политической обстановке, демонических интригах и местных сплетнях.

– Инспектор Вечности – это самое страшное, что у нас есть, – говорил он, постукивая пальцами-костями по столу. – Приходит раз в сто лет. Проверяет души. Если находит недоимки – забирает. Навсегда.

– А что считается недоимками?

– Всё, – вздохнул Морт. – Не заплатил налог на магию – недоимка. Обидел соседа – недоимка. Не поздоровался с тёщей – недоимка. В системе Вечного архива учитывается всё.

– Это же безумие, – сказала я. – У каждого найдётся что-то такое.

– Именно, – кивнул Морт. – Поэтому все боятся. Каждые сто лет паника, скупка амулетов, очереди в канцелярию. А потом Инспектор приходит и забирает тех, кто не успел.

– И никто не пытался его убить?

– Его нельзя убить, – ответил Морт. – Он не живой. Он – воплощение порядка. Можно только договориться. Но для этого нужно знать все лазейки в законе.

Мы с Мортом переглянулись. В его пустых глазницах, как ни странно, читалась мысль.

– Леди Зоя, – сказал он медленно. – Вы, говорят, менеджер? Это как-то связано с бумагами?

– Не просто связано, – усмехнулась я. – Я двенадцать лет работала с отчётами, налогами, накладными и прочей бюрократией. Я знаю такие лазейки, о которых ваш Инспектор даже не догадывается.

Морт и Клара переглянулись.

– Леди Зоя, – прошептала Клара. – Вы посланы нам небесами.

– Или степлером, – поправила я. – Но суть та же.

После завтрака Клара повела меня на экскурсию по замку. Мы обошли главный зал (огромный, с портретами грустных предков Конрада), оружейную (мечи, топоры и один странный арбалет, который, по словам Клары, стрелял проклятиями), библиотеку (там Филимон-привидение как раз ругал кого-то за пыль на книгах) и даже подвал, где в темноте что-то ворочалось и вздыхало.

– А это что? – спросила я, с опаской косясь на тёмный угол.

– А, это старый дракон, – отмахнулась Клара. – Спит уже лет пятьдесят. Храпит иногда, но не буди, пожалуйста. Он злой с похмелья.

– У драконов бывает похмелье?

– У всех бывает, – философски заметила Клара.

Мы поднялись обратно, и я уже начала привыкать к серому свету, льющемуся из окон. В нём было что-то умиротворяющее. Как в пасмурный день, когда можно закутаться в плед и никуда не идти.

– А где лорд Конрад? – спросила я.

– Работает, – вздохнула Клара. – Он всегда работает. У него знаешь сколько дел? Тайная стража, демоны, налоги, отчёты перед королём, ещё и попаданки. У него ни минуты покоя.

– А синяки под глазами у него всегда такие?

– Всегда, – подтвердила Клара. – Это проклятие рода. Говорят, его прадед обидел ведьму, и теперь все мужчины в роду носят эту метку. И спать нормально не могут. Конрад, бедный, вообще не спит почти.

– Как не спит?

– Часа два-три в сутки, не больше. И то урывками. Я ему на ночь молоко с мёдом ношу, травы завариваю успокаивающие. Помогает, но не сильно.

Я задумалась. В моём мире начальники тоже не спали, но там это было от жадности или паранойи. А тут – от проклятия. Разница существенная.

К вечеру я вымоталась так, будто разгрузила вагон угля. Клара показала мне ванную комнату (с огромной чугунной ванной на львиных лапах и водой, которая грелась сама собой, магией), и я с наслаждением отмокала в горячей воде, разглядывая пузырьки.

Из пузырьков иногда складывались мордочки и подмигивали.

Я решила не обращать внимания.

Вернувшись в голубую комнату, я застала Сёму в приподнятом настроении.

– Зоя! – зашептал он из-под кровати. – Ты где была? Я скучал! Клара заходила, пыль вытирала, я с ней поболтал. Она хорошая. Сказала, что ты теперь у нас надолго?

– Не знаю, Сёма, – честно ответила я, усаживаясь на кровать. – Пока не знаю.

– А чего тут знать? – удивился он. – Оставайся. Тут весело. У меня пыли много, я могу показать коллекцию. У меня есть пыль с прошлого века, с тех пор, как тут ещё солнце было. Она золотистая, красивая.

– Потом как-нибудь, – улыбнулась я.

Я легла на кровать и усталилась в потолок. День был безумный. Столько информации, столько новых лиц (и не лиц). Лорд Конрад с его вечной усталостью. Клара с её магической стряпнёй. Морт со скрипучими костями и любовью к сплетням. Филимон-зануда. Огневики. Дракон в подвале.

И Сёма под кроватью.

– Сёма, – позвала я.

– А?

– А что ты думаешь об Инспекторе Вечности?

Под кроватью наступила тишина. Потом Сёма ответил, и в его голосе впервые за всё время не было обычной весёлости:

– Страшно, Зоя. Очень страшно. Я тень, меня вроде не видно в реестре, но вдруг? Вдруг и меня сочтут за какое-нибудь нарушение? Я же пыль собираю без лицензии.

– Для сбора пыли нужна лицензия?

– А ты думала? Всё, что движется, должно быть зарегистрировано. А я движусь. И дышу. И разговариваю. Наверное, я нарушаю кучу правил.

Мне стало жалко его.

– Не бойся, Сёма. Я что-нибудь придумаю.

– Правда? – В темноте зажглись жёлтые глаза. – Ты правда поможешь?

– Правда.

– Тогда я с тобой навсегда! – обрадовалась тень и засопела от счастья.

Я улыбнулась. Странно, но этот маленький разговор с тенью согрел мне душу больше, чем ванна с магическими пузырьками.

За окном серело серое небо, превращаясь в серый вечер. Где-то в замке перекликались привидения, Морт скрипел костями, разнося ужин, а Клара напевала песенку без слов.

Я закрыла глаза.

Три месяца. Девяносто дней. Две тысячи сто шестьдесят часов.

Справится ли обычный менеджер из офиса «Скрепка-Супер» с ведьмовством, бюрократическим кошмаром и инспектором, который забирает души?

Понятия не имею.

Но, чёрт возьми, попробовать стоит.

– Сёма, – шепнула я в темноту.

– А?

– Завтра начинаем учиться колдовать.

– Ура! – завопила тень и от радости заколыхалась так, что задрожала кровать.

– Тихо ты, – засмеялась я. – Спать давай.

– Сплю, – послушно сказал Сёма и затих.

Я повернулась на бок и посмотрела на серый лунный свет, падающий в окно.

Интересно, что Барсик сейчас делает? Наверное, спит на моей подушке и радуется, что меня нет. Предатель.

Ипотека... интересно, в Тоскливом Доле есть ипотека? Если нет, то это уже плюс.

С этими мыслями я и провалилась в сон.

Без сновидений. Крепкий, спокойный, какой бывает только после очень длинного и очень странного дня.

ГЛАВА 2: Сёма и другие обитатели

Утро в Тоскливом Доле начиналось не с кофе.

Оно начиналось с Сёмы.

– Зоя! Зоя, ты спишь? – раздалось из-под кровати ровно в тот момент, когда я пыталась досмотреть последний, самый сладкий сон про то, как я возвращаюсь домой, а Леночку перевели в ночную смену на склад.

– Уже нет, – простонала я, натягивая одеяло на голову.

– А почему ты глаза закрываешь, если не спишь? – не унималась тень. – Я же вижу. Я из-под кровати всё вижу. У меня зрение хорошее.

– Сёма, сколько времени?

– Времени? – задумался он. – А что такое время? У нас тут всегда серо, так что по цвету не определишь. Но Клара уже топила печь, Морт скрипел по коридору, а привидения ругались в библиотеке. Значит, утро.

Логика железная. Я села на кровати и свесила ноги. Под кроватью тут же зажглись два жёлтых глаза.

– Ты сегодня красивая, – одобрительно сказал Сёма. – Рыжинки на волосах блестят. Это от магии?

– Это от шампуня, – вздохнула я. – Сёма, а ты всегда под кроватью живёшь?

– Всегда, – с гордостью ответил он. – Тридцать два года. Ещё при старом хозяине. Он был маг, злой, всё время наступал на меня сапогами. А потом умер, и я остался один. Приходили новые, но они все боялись. Орали, крестились, святой водой брызгали. А я же тень, от святой воды только чешусь.

– Бедный, – сказала я и правда почувствовала укол жалости. – А почему ты не переедешь под другую кровать?

– А зачем? – удивился Сёма. – Я тут привык. Пыль своя, сквозняки знакомые. И кровать хорошая, не скрипит. Ты же не скрипишь?

– Я не кровать.

– Ну и хорошо. Кровати не разговаривают. А с тобой интересно.

Я улыбнулась. В этом мире даже тени были одинокими.

– Сёма, а что ты делаешь целыми днями? Ну, кроме того, что дышишь под кроватью?

– Пыль собираю, – оживился он. – Хочешь покажу коллекцию?

Из-под кровати выдвинулось нечто – тёмное, бесформенное, но с явными очертаниями шупалец. В одном из них был зажат... мешочек. Самый обычный тканевый мешочек.

– Вот, – гордо сказал Сёма, высыпая содержимое на пол.

Я наклонилась. На полу лежала кучка пыли. Просто пыль. Серая, мелкая, самая обычная.

– Это... пыль? – уточнила я.

– Не просто пыль! – обиделся Сёма. – Это пыль с подоконника в восточном крыле. Ей двести лет! Ещё с тех пор, как замок строили. Видишь, она с золотистым отливом? Это от солнечного света, который тогда был.

Я присмотрелась. В серой куче действительно поблёскивали золотистые крупинки.

– Красиво, – признала я.

– А вот эта, – Сёма подгрёб другую горстку, – с книг из библиотеки. Филимон злится, что я её тырю, но я аккуратно, по чуть-чуть. Она пахнет старыми сказками. Понюхай.

Я вежливо понюхала. Пыль пахла пылью.

– Очень... насыщенный аромат, – сказала я.

– Правда? – Сёма прямо засветился от счастья. – А ты первая, кто оценил. Обычно люди говорят «фу, пыль» и выгоняют меня. А ты хорошая, Зоя.

– Спасибо, Сёма.

– А хочешь, я тебе пыли подарю? – предложил он. – У меня много. Могу с книг, могу с подоконника, могу даже с люстры – там верховая, самая лёгкая, летучая.

– Давай как-нибудь потом, – вежливо отказалась я. – Мне сегодня надо в город.

– В город? – встревожился Сёма. – Зачем? В городе страшно. Там люди. И демоны. И тоскливые волки.

– Тоскливые волки? Это которые ноют?

– Ага. Они под кустами сидят и жалуются. Так жалуются, что слушать невозможно. У меня от их нытья тень дрожит.

– Я постараюсь быстро, – пообещала я, вставая и натягивая вчерашнее платье.

– Ты вернёшься? – с надеждой спросил Сёма.

– Вернусь.

– Честно?

– Честно.

– Тогда я буду ждать. И пыль приготовлю. Самую лучшую.

Я улыбнулась и вышла из комнаты. В коридоре меня уже поджидала Клара.

– Ой, проснулась! – всплеснула она руками. – А я уж думала, ты до обеда проспешь. Пойдём завтракать, а потом я тебя в город отведу. Лорд Конрад велел показать тебе Унылбург, чтобы ты знала, где что.

– Он сам не пойдёт? – удивилась я.

– У него работа, – вздохнула Клара. – У него всегда работа. Бедный, совсем измотался. Ты бы видела его сегодня утром – сидел над бумагами и пил четвертую кружку кофе. А кофе я ему варю без счастья, потому что со счастьем он вообще спать перестанет.

Я представила Конрада, который пьёт кофе без счастья, и мне стало его немного жаль.

Завтрак был снова роскошным: оладьи с мёдом, свежие булочки, варенье из счастливых снов и кофе с капелькой счастья (для меня). Морт скрипел вокруг стола, разливая напитки и делая вид, что не подслушивает.

– Морт, – позвала я, – а вы давно здесь работаете?

– Двести тридцать семь лет, – ответил он, поправляя бабочку. – При четвёртом лорде начинал. Тогда замок был веселее. Солнце светило, демоны не так часто шалили, привидения вели себя прилично. А после Великой Тоски всё покатило под откос.

– А что такое Великая Тоска? – спросила я, хотя уже слышала от Клары.

Морт присел на краешек стула (кости привычно скрипнули) и принял позу рассказчика.

– Это случилось сто лет назад. В один день небо стало серым. Солнце погасло. Люди потеряли радость. Все стали грустными, апатичными. Магия начала давать сбои. А потом появился Инспектор Вечности.

– И никто не знает, почему это случилось?

– Знают, – таинственно понизил голос Морт. – Но молчат. Говорят, кто-то из магов нарушил древний запрет. Кто-то очень сильный. Но имя его забыто, чтобы не накликать беду.

Я хотела расспросить подробнее, но Клара заторопила меня:

– Потом, потом! Сначала город, пока рынок работает. После обеда там уже никого, все расходятся грустить по домам.

Унылбург оказался именно таким, как описывали: серым, мрачным и при этом странно уютным.

Мы вышли из замка и через пять минут ходьбы оказались у городских ворот. Они были массивными, дубовыми, с коваными петлями, и на каждой створке висело по горгулье. Живые горгульи проводили нас взглядами, и одна даже лениво помахала лапой.

– Это сторожевые, – пояснила Клара. – Если враг идёт, они орут. А так – просто сидят, скучают.

Ворота со скрипом открылись, и мы вошли в город.

Узкие мощёные улочки вились между высокими домами с остроконечными крышами. Дома были каменными, с маленькими окошками и резными дверями. И у каждого дома были глаза. В прямом смысле. На уровне второго этажа в стенах виднелись два круглых окна, похожих на зрачки, а под ними – широкая арка, напоминающая рот.

– Они смотрят, – заметила я.

– Ага, – кивнула Клара. – Дома здесь живые. Но очень ленивые. Иногда переставляются с места на место, но редко. Говорят, сто лет назад они часто двигались, даже танцевали. А теперь – «а надо ли оно нам?».

Один из домов, мимо которого мы проходили, зевнул. Буквально: арка приоткрылась, оттуда вырвался тёплый воздух с запахом щей, и дом снова замер.

– Здорово, – сказала я.

– Привыкнешь, – отмахнулась Клара.

На улицах было немного народу. Прохожие – в серых плащах, с серыми лицами – двигались медленно, будто нехотя. Они здоровались друг с другом, но при этом обязательно вздыхали. Коротко, глубоко, с выражением обречённости.

– Здравствуй, Петровна, – вздохнул прохожий.

– И тебе не хворать, Сидорович, – вздохнула в ответ прохожая.

– Как жизнь?

– Да всё так же. Серо.

– Ну, бывай.

И разошлись.

– Они всегда так? – спросила я.

– Всегда, – подтвердила Клара. – Это норма. Если кто-то не вздыхает, значит, или иностранец, или демон под прикрытием.

Мы вышли на центральную площадь. Здесь возвышался памятник – бронзовый мужчина с гаечным ключом в руке, стоящий на коленях у разверзшегося люка.

– Это Неизвестный Герой, – сказала Клара. – Погиб, пытаясь починить водопровод во время нашествия демонов. Демоны тогда воду отравили, а он полез чинить и не вернулся. С тех пор его чтут.

– Красивая история, – сказала я.

– Ага. Только водопровод так и не починили. До сих пор воду носим из колодца.

Вокруг площади располагались лавки и магазинчики. Вывески пестрели названиями: «Гробовые венки от тёти Розы», «Демонические консервы – пальчики оближешь!», «Магическая канцелярия – скидки студентам», «Зелья и снадобья. Быстро, недорого, гарантия 100%».

– А вот и рынок, – объявила Клара. – Давай пройдемся, посмотрим. Если что-то понравится, я могу поторговаться. У меня опыт.

Я с интересом оглядывала ряды. Торговцы сидели за прилавками, перед ними были разложены странные товары: светящиеся камни, засушенные лапки неизвестных животных, пузырьки с разноцветными жидкостями, амулеты, талисманы, книги в кожаных переплётах.

– Подходи, леди! – закричал один торговец, завидя меня. – Амулет от сглаза! Самый лучший! Всего десять монет!

Я подошла. На прилавке лежала... пуговица. Обычная круглая пуговица с четырьмя дырками.

– Это пуговица, – сказала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.